

А.А. Воробьев

(Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет)

**Сосуды с углями из русских погребений Верхнего Приобья и Барабы
как объект археолого-этнографического изучения**

В предлагаемой работе предпринимается попытка археолого-этнографической интерпретации сосудов с углями из русских погребений с территории Новосибирской области. В коллекциях УКМ НГПУ и музея «Мастерская предков» клуба юных археологов «Потомки» насчитывается не менее 29 сосудов происходящих из восьми кладбищ области (Ордынский остров, р.п.Ордынское, Ордынского р-на; с.Старые Горностали, Здвинского р-на; с.Ударник, с.Северное, с.Гражданцево, Северного р-на; с.Соколово, Колыванского р-на; с.Криводановка, Коченевского р-на). В нескольких сосудах сохранилась засыпка из древесных углей, из остальных она по свидетельствам людей присутствовавших при вскрытии была высыпана, а часть сосудов разбита. В некоторых сосудах на внутренней придонной поверхности прослеживается лёгкое обожение. Датируются они не позже конца XVIII в. и до середины XX в. Выделяются сосуды баночной формы, кринки, стакан, плошка. Все они сделаны в русской технологической традиции, некоторые имеют типично русскую орнаментацию. Предварительное исследование позволило связать эти сосуды с похоронным обрядом «окуривания» (Воробьев А.А., Троицкая Т.Н., 2000, с. 220 – 221).

Для дальнейшего анализа мы приводим здесь наиболее полное описание обряда по имеющимся у нас этнографическим данным, собранным в 1999 – 2000 гг. на территории Северного района НСО. После смерти человека в глиняную посуду из печи насыпали горячие

угли, поверх которых для окуривания сыпали ладан, а если его не было, клали душицу, мяту или «богородскую» траву. Для этого употреблялся сосуд любой формы, новый или использовавшийся в хозяйстве. Сначала окуривание производилось в помещении перед выносом тела, вокруг гроба «по солнцу» три раза. После этого покойный помещался в гроб и выносился из дома. На Алтае известно окуривание надо ртом только что умершего человека (Миненко Н.А., 1979, с. 264). Во время шествия похоронной процессии до кладбища сосуд с углями несли вслед за гробом. На кладбище окуривали внутри могилы иногда до, иногда после спуска гроба в могилу. В некоторых случаях могли окуривать, проходя вокруг могильной ямы по верху. После этого сосуд ставился в могилу в изголовье, либо в ногах погребаемого рядом с гробом. На вопрос «зачем это делалось» информаторы в основном отвечали «так положено». В одном случае было объяснение «для устранения трупного запаха». Если при погребении присутствовал священник, то окуривание производилось кадилом. Этот обычай существовал в деревнях вплоть до последнего времени, постепенное его отмирание связывается с исчезновением глиняной посуды и забвением традиции. В имеющихся сведениях в целом, выделяется четыре варианта обряда: 1) Окуривание производится как в доме, так и на кладбище, с постановкой глиняной посуды с углями в могилу (см. Выше). 2) Покойный окуривается только дома из глиняной посуды. 3) Обряд выполняется только в доме совком с углями из печи. 4) Священник осуществляет каждение. Последний вариант был распространен как у православных, так и у старообрядцев (Кремлева И.А., 1992, с. 205; 1999, с. 523). И старообрядцы, и православные по нашим сведениям ставили сосуды с углями в могилы. Между всеми выделенными вариантами прослеживается генетическая связь. Первый является, скорее всего, наиболее старым. Второй, вследствие вымирания традиции служит переходным к третьему, который выполняется и в наши дни. Четвертый отражает каноническую христианскую обрядность.

Во всех вариациях окуривание неразрывно связано с кульминационными моментами «ритуалов перехода». Так обряд, совершаемый перед выносом покойного из дома, стоит в начале его посмертного «странствования». «...Порог дома оказывается главным рубежом, отделяющим умершего от его дома, семьи и земной жизни» (Толстой Н.И., 1990, с. 119). Окуривание, производимое перед помещением тела в гроб и закапыванием могилы, вероятно, следует связывать с обретением мертвым нового загробного жилища, которое посредством совершения обряда очищается от злых сил. Широко распространенными, были такие названия колод и гробов как дом, хата, домина, горница холодная и т.п. (Невская Л.Г., 1990, с. 140, 145). Параллель этому явлению можно видеть в других «ритуалах перехода», например, когда ребенок обретает свое новое жилье-люльку. Для отгона нечистой силы и спокойствия ребенка в ней она также окуривалась ладаном, «богородской» травой либо корнем чертополоха (Неклепаев И.А., 1903, с. 83; Листова Т.А., 1999, с. 514).

Б.А. Рыбаков в свете этнографических данных трактует сосуды с углями в погребениях как устойчивый символ жилища, домашнего очага, переносимого на новое место (Рыбаков Б.А., 1988, с. 312). Такую оценку он применил к бронзовой жаровне с углями из княжеского черниговского кургана середины Хв. Черная могила. В раннем средневековье славяне насыпали в сосуды вместе с пережженными после кремации костями иногда и угли с золой (Седов В.В., 1982 и др.). При этом для умершего погребальная урна становилась как бы новым телом, местом его нового обитания (Петрухин В.Я., 1995, с. 199-200). Возможно с идеей помещения «домашнего очага» в загробное жилище следует связывать находки сосудов с углями (без костей от кремации) в курганах и кладбищах Белоруссии, где еще в начале XX в. сохранялся обычай выносить из дома за покойником горшок с углями из домашнего очага, и бросать его в могилу, после того как опустят в нее покойника (Успенская А.В., 1953, с. 106). Сам автор связывает эти находки с имитацией древнего трупосожжения. Эти две трактовки могут хорошо сочетаться между собой. И при кремации и при помещении горшка с углями в моги-

лу присутствует дым, который связан с идеей заселения через него неба душами предков (Рыбаков Б.А., 1988, с. 74). После совершения погребения связь с предками осуществлялась также через дым, сосуды с углями, костры. У крестьян Могилевской и Смоленской губерний, а также на Севере Руси в XIX в. сохранялся обычай разводить костры на могилах и ставить на них горшки с углями. Этот обычай был приурочен к поминальным «родительским» дням (Соловьева Г.Ф., 1962, с. 52; Рыбаков Б.А., 1988, с. 92, рис. 14, 2). Исследователи соотносят его с имевшим широкое распространение в славянских землях обычаем «греть покойников» посредством разведения костров возле дома или на кладбище во время календарных праздников (Петрухин В.Я., 1995, с. 204). В одном из описаний этого обряда в г. Орле конца прошлого века имеется описание использования в нем сосуда с углями: «...на Рождество, Новый год и в день Крещения хозяин дома брал горшок с огнем и куль соломы; попросившись с домашними, он отправлялся на огород; здесь он сперва полагал три поклона лицом к востоку, потом зажигал сноп соломы с ладаном и приговаривал: «... Ты святой ладонок и серенький дымок, несись на небо, поклонись там моим родителям, расскажи им, как все мы здесь проживаем!» (Зеленин Д.К., 1994, с. 165). С точки зрения Д.К. Зеленина «...Окуривание родителей т.е. ладаном, отмечает особую вариацию в самом обряде, вариацию явно христианского, т.е. позднейшего происхождения» (Зеленин Д.К., 1994, с. 168). Обряд производился для умиловления душ предков и домового, так как они находятся в теснейшей связи (Зеленин Д.К., 1994, с. 175), с другой стороны он предохранял от проникновения в мир живых покойников умерших не своей смертью и могущих причинить вред. Часто этот обряд возводят к дохристианскому обряду трупосожжения (Петрухин В.Я., 1995, с. 204).

Еще одним способом использования горшков с углями было их переворачивание с рассыпанием углей при их постановке наверху уже закопанной могилы. Этот обычай был известен в Полесье и на Русском Севере (Толстой Н.И., 1990, с. 121-122). Скорее всего, эти сосуды также могли предназначаться для переноса «домашнего очага», в загробный мир. Ведь в славянских представлениях имеющих языческие корни мир смерти считался перевернутым по отношению к миру живых. Все перевернутое – это «свое» в мире мертвых. Отсюда ведет свои истоки обычай спасаться от мертвецов переворачиванием и выворачиванием предметов и одежды. Мертвые в этом случае просто не замечали живых и не могли причинить им вред (Толстой Н.И., 1990, с. 119-128).

Для территории сибирского региона постановка в русскую могилу сосудов с углями, по всей видимости, является локальной чертой погребального обряда. Такие находки сосудов нам известны только для территории Верхнего Приобья и Барабы. В европейской части России существует крупная коллекция глиняной керамики из некрополей Москвы. В эти сосуды при погребении помещали оставшийся после соборования елей (Векслер А., 1996, с. 36; Дубынин А.Ф., 1960, с. 784; Панова Т.Д., 1989, с. 219-234). Известны также горшки из могил Юрьева монастыря и церкви Спаса на Ковалеве в Новгороде. Эти находки исследователи связывают с пережитками тризны, так как рядом были обнаружены и остатки поминальной еды (Панова Т.Д., 1987, с. 120). Единственные массовые находки горшков с углями в славянских погребениях известны нам только из курганов и кладбищ Белоруссии (Успенская А.В., 1987, с. 106).

Таким образом, обряд постановки сосудов с углями в могилу в Сибири, скорее всего, связан с выходцами из Белоруссии, возможно Русского Севера. Можно предполагать, что он восходит к языческому обряду трупосожжения, и был связан с идеей заселения неба душами предков, и идеей «домашнего очага» переносимого в загробный мир. Использование ладана является отражением влияния христианского каждения, как способа борьбы с нечистой силой. С постепенным забвением традиции в настоящее время произошла трансформация обряда в сторону наиболее простых форм.

Научный руководитель – И.А. Дураков